

ИННА

Вронская

После
ИЗМЕНЫ
АНЕСТЕЗИЯ
Для **СЕРДЦА**

Инна Вронская

После измены.

Анестезия для сердца

<https://litres.ru/74250024>

SelfPub; 2026

Аннотация

Муж изменил. Назвал фригидной, бесплодной карьеристкой, а новый заведующий отделения при всех заявил, что я слабое звено в коллективе.

"Ваше опоздание сегодня — не просто нарушение субординации, — начинает он. - А показатель непригодности. Я вижу растерянную женщину с заплаканными глазами, которая тащит свой личный багаж через порог больницы. Мне такой хирург не нужен!..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

После измены.

Анестезия для сердца

Глава 1

Сумки врезаются в ладони красными, живыми полосами. Я толкаю дверь плечом. Тихий щелчок, и я вхожу не в дом. Я вхожу в бардак. Он встречает меня молчаливым, равнодушным укором.

Пахнет затхлостью и вчерашней едой. На полу, у самой вешалки, — два грязных носка. Носки Кирилла. Скомканные, один внутри другого. Я замираю и смотрю на них. Я не просто вижу хлопок. Я вижу утреннюю спешку. Вижу, как он снимает их, не нагибаясь, одним движением ноги. Слышу своё же собственное, уже стёршееся до дыр «Кирилл, не бросай тут». И его вечное, спокойное — «потом, Кать. Сейчас голова другим забита».

Всё у нас — потом.

Отворачиваюсь. В углу, у лоджии, стоит кошачий лоток. Резкий, неприкрытый запах аммиака бьёт в нос. Маруся мяучит, трётся об ноги. Её взгляд — чистый, животный укор. Я забыла. Вчера утром, перед сменой, я ей поклялась: «Вечером, обязательно». А вечером был тот мальчик с разрывом

селезёнки. Его жизнь висела на волоске, на кончике моего скальпеля. И я её удержала. А лоток... лоток остался тут.

Прохожу на кухню. Ставлю сумки на пол. Спина ноет тупой, знакомой болью. Двадцать часов на ногах. Три жизни. Три спасённые жизни. Это звучит громко. Почему же внутри — пустота и эта тяжёлая, как свинец, усталость?

На кухонном столе — крепость. Крепость из папок, распечатанных статей, исписанных листов. Две грязные чашки, ложка с засохшей каплей кофе, пустая пачка сигарет. Он клялся бросить. Кандидатская. Великий труд. Вселенское оправдание для всего: для забытых носков, для холодного ужина, для одинокой постели, для моих неслышных слёз в подушку.

Сначала университет. Потом ординатура. Теперь — кандидатская. А после... после будет что-то ещё. Всегда будет это «сначала».

Телефон в кармане куртки начинает биться. Настойчиво, резко. Я вздрагиваю. Алла. Сестра. У неё или праздник, или катастрофа мирового масштаба. Других вариантов не бывает.

С трудом вытаскиваю телефон. Палец скользит по экрану. — Алло? — Мой голос хрипит, словно я не говорила целый день. А я и не говорила. Я отдавала команды. Чёткие, короткие. «Скальпель. Зажим. Электрокоагуляция. Не торопитесь. Дышите».

— Катка! — В трубке — взрыв. Визг, смех, слёзы — всё

вместе. — Ты слышишь меня? Я беременна! Задержка! Три теста! Три, Катя! Две полоски! Я в шоке! Ты будешь тётей!

Воздух вышибает из лёгких. Тишина в квартире становится оглушительной. Я вижу гору посуды в раковине. Вижу эти носки. Вижу чашки. И всё это вдруг растворяется, расплывается в мутной пелене. Где-то там, в трёхстах километрах, в квартире моей младшей сестры, которая вышла замуж всего два месяца назад, случилось чудо. Самое простое. Самое невозможное.

— Катя! Ты чего молчишь? Ты рада? Скажи что-нибудь!

Я сглатываю. В горле стоит ком. Горячий, колючий, размером с мой кулак.

— Конечно... Конечно, рада, — выдавливаю я. Голос звучит чужим. — Поздравляю, Аллочка. Это... это замечательно.

И понеслось. Вопросы обрушиваются на меня лавиной. Где сдавать кровь? Какой анализ на ХГЧ самый точный? Кто хороший гинеколог в её городе? На каком сроке идти на УЗИ? Видно ли пол? Я отвечаю. На автомате. Мой мозг, отточенный годами учёбы и практики, выдаёт информацию порциями: чёткими, профессиональными, без эмоциональными.

— Вставать на учёт лучше до восьми недель. Попроси направление на перинатальный скрининг. Свободную бета-субъединицу ХГЧ и РАРР-А. Не пропускай.

Я говорю это, а сама смотрю в окно на тёмный двор. Вспоминаю, как мы с Кириллом, первокурсники, зубрили анатомию в общежитии, сидя на одной койке, и я шептала ему на ухо: «А у наших детей будут твои глаза. Серьёзные, умные». Он смеялся, целовал меня в макушку и говорил: «Дети? Кать, мы же только начали. Вся жизнь впереди. Сейчас выплатим ипотеку, я допишу кандидатскую и тогда посмотрим...».

Вся жизнь. Она пролетела. А детей... детей нет.

— Спасибо, сестрёнка! Ты моя умничка! Всё записала! Обниму крепко!

Связь обрывается. Тишина снова наваливается, но теперь она другая. Глубокая, пронизывающая. Я медленно опускаю телефон на стол. Руки сами находят губку, включают воду. Горячая струя обжигает кожу. Я смотрю, как тарелки в раковине покрываются пеной. Засохший соус, кусочки вчерашней еды, которую Кирилл ел один, пока я боролась за чью-то жизнь.

«Ты сегодня спасла три жизни, — говорю я себе тихо, почти беззвучно. — Три. Ты не просто женщина. Ты — хирург. Твоё призвание — спасать. Это больше, чем пелёнки. Больше, чем каша по утрам. Ты вносишь в мир нечто значительное».

Повторяю это, как мантру. Ровно, монотонно. Чтобы заглушить другой голос. Тонкий, надтреснутый голосок, который плачет где-то глубоко внутри.

Мою тарелки. Вытираю стол. Раскладываю продукты по

полкам. Действия механические, отработанные за десять лет. Беру телефон. Набираю номер. Тот самый. Он выжжен в памяти, как собственное имя.

Короткие гудки. Раз, два, три...

— «Абонент временно недоступен».

Вешаю трубку. Недоступен. Конференция. Важное совещание. Срочная операция. Дежурство. Миллион причин. Я все их знаю наизусть. Они сложились в прочную стену между нами. Стену, которую я одна тащу на своих плечах.

Уборка заканчивается глубокой ночью. Квартира прибрана. Посуда блестит на полке. Кошка, наконец, довольна. Полная, убийственная тишина.

Падаю на диван в гостиной, накрываюсь пледом, пахнущим пылью. Темнота накрывает с головой, густая и вязкая, как вода.

Перед самым сном, в последнем просвете сознания, всплывает мысль.

Завтра. Завтра на работу приезжает новый заведующий. Из Москвы. Говорят, глыба. Говорят, беспощадный. Ещё один мужчина в белом халате, который будет смотреть на меня свысока. Ещё одна стена.

Но, мы с Кириллом справимся, всегда справлялись. Вместе.

Хоть и засыпаю я сегодня совершенно одна.

Глава 2

Звонок разрывает сон, как скальпель — кожу. Резкий, неумолимый, прямо в висок. Я вздрагиваю, сбрасывая с себя тяжёлое одеяло забытья. На экране — «Лидия Николаевна». Сердце падает в пятки. Вызов в больницу в семь утра в мой выходной — никогда не сулит ничего хорошего.

— Катя, родная, просыпайся! — голос старшей медсестры звучит сдавленно, будто она говорит, прикрыв трубку ладонью. — Вся верхушка срочно собирает хирургию. Планёрка через сорок минут. Приезжай.

— Что случилось? — пытаюсь прогнать хрипоту из голоса.

— Из Москвы новый заведующий прибыл. Сейчас в кабинете у главного. Хотят представить. Срочно, Катя. Ждут всех.

Вешаю трубку. Голова тяжёлая, будто налита свинцом. Всё тело ноет после вчерашнего. Я смотрю на пустую половину кровати. Простыня холодная, нет и намёка на то, что здесь кто-то спал. Кирилл. Конечно, его нет. Наверное, с ночного дежурства не вернулся. Или вернулся, но я, вырубилась, не слышала. Встретимся в больнице, думаю. Обсудим этот цирк с новым начальством хотя бы взглядом, как делали раньше, когда были одной командой.

Собираюсь на автомате. Джинсы, свитер, белый халат в

сумку. Зеркало показывает бледное лицо с синяками под глазами. «Ничего, — говорю отражению. — Главное — глаза. Они должны быть ясными. Уверенными». Напудриваю синяки, наношу тушь. Маскировка. Первое, чему учится хирург, — скрывать собственную усталость. Пациент не должен видеть слабости.

На дороге — утренний поток. Мой старенький «Шевроле» скрипит на поворотах. В ушах стучит: «Опоздаешь, опоздаешь». Телефон вибрирует на панели. СМС от Лидии Николаевны: «Катя, все в сборе. Ждём только тебя. Новый шеф уже недоволен задержкой».

Чёрт. Давим на газ. Мысленно просчитываю маршрут. Объехать пробку по старой дороге у реки. Там пустынно, можно побыстрее.

Поворот. Резкий, скользкий после ночного дождя. И вдруг — красная вспышка в боковом зеркале. Глухой удар. Скрип металла. Мою машину резко бросает в сторону, к отбойнику.

Сердце замирает, потом начинает биться с бешеной частотой. Я ударилась. Я врезалась.

Сию несколько секунд, пытаюсь отдышаться. Цепляюсь взглядом за руль. Всё в порядке. Я в порядке. Смотрю вперед. В мой передний бампер вписался задний крыло ярко-красного «Ниссана Жука». Бьюсь об заклад, это был подарок какому-нибудь «папику».

Дверь «Жука» с силой распаивается. Из машины выхо-

дит девушка. Высокие каблуки, обтягивающие джинсы, норковая шуба не по сезону. Лицо кукольное, разгневанное. Она подходит к моему окну и бьёт ладонью по стеклу.

— Эй, ты! Вылезай! Совсем охренела за рулём? Ты что, слепая курица?

Я опускаю стекло. Холодный воздух бьёт в лицо.

— Я вызвала ДПС, — говорю я максимально спокойно, профессиональным тоном, каким говорю с истеричными родственниками. — Составим евро протокол, не волнуйтесь.

— Волнуюсь! — она кричит так, будто её режут. — Ты посмотри, что ты сделала с моей ласточкой! Масик меня убьёт! Сейчас позвоню ему, он всё разрулит!

Она уже достаёт телефон, отворачивается, и я слышу сдавленное: «Масик, приезжай, меня тут чучело какое-то дряхлое въехало...».

Масик. Какое-то пошлое, слащавое прозвище. У меня сводит желудок от раздражения. Я тоже достаю телефон. Надо позвонить в больницу, предупредить. Но пальцы дрожат. Я не могу выбрать: ждать гаишников или мчаться на собрание, рискуя лишиться места, которое с таким трудом отвоёвывала у мужчин.

Минуты тянутся, как смола. Я стою на холодном ветру, слушая, как эта «ласточка» ноет в трубку. Проходит двадцать минут. И вот, на дороге появляется знакомый серебристый внедорожник. «Тойота».

Машина притормаживает. Девушка взвизгивает от радости и бежит к ней.

— Масик! Наконец-то! Смотри, что со мной сделали!

Дверь внедорожника открывается. Из неё выходит Кирилл. Мой муж. В своих дорогих замшевых полусапожках, в той самой куртке, которую я выбирала ему на день рождения. Он видит девушку, и его лицо расплывается в успокаивающей, снисходительной улыбке. Улыбке, которую я не видела у себя дома уже годы. Он берёт её за руку, притягивает к себе, целует в макушку. Слышу его голос, низкий, бархатный, каким он говорил мне когда-то:

— Успокойся, солнышко. Сейчас во всём разберёмся.

Он обнимает её за плечи, поворачивается, чтобы оценить повреждения. И его взгляд встречается с моим.

Всё замирает. Шум дороги, свист ветра, голоса — всё стихает. Я вижу, как кровь отливает от его лица. Как его глаза, только что тёплые, становятся стеклянными от ужаса. Как его рука медленно опускается с плеча той девушки.

Мы стоим и смотрим друг на друга через разбитое стекло. Через руины.

Он что-то говорит. Шевелит губами. «Катя...». Но звук до меня не доходит.

Я чувствую, как немеют губы. Как холод, сковывавший всё тело снаружи, проникает внутрь и замораживает душу. Всё встаёт на свои места. Все его «дежурства», «конференции», «ночные срочные операции». Все его отключенные те-

лефоны и холодная половина кровати.

Смотрю прямо на него. Голос звучит ровно, странно спокойно, будто это говорю совсем не я.

— Вот и Масик приехал.

Кирилл вздрагивает, будто от удара. Девчонка в его объятиях замирает, смотрит на меня, потом на него, и в её глазах мелькает понимание, а потом — наглое, победное любопытство.

А я просто сижу. И чувствую, как по щеке, предательски, против моей воли, скатывается одна-единственная, ледяная слеза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.